

Г. В. ЦУЛАЯ

К ИСТОРИИ ИМЕНИ «АБРСКИЛ»

История имени героя абхазского эпического сказания «Абрскил» представляет одну из сложных проблем в абхазоведении. Приступая к исторической этимологии этого имени, исследователи обычно заостряли свое внимание на второй его части «скил» и все единогласно говорили о ней, как о картвельском, в частности мегрельском, вкладе в абхазское сказание. Этого мнения придерживается и абхазский фольклорист Ш. Салакая в недавно опубликованной им монографии¹. Однако легкость, с какой поддается толкованию данное слово, на наш взгляд, является несколько иллюзорной, и вызвана, она, видимо, очень заманчивым совпадением; да, слово *скил* мегрельское, по-мегрельски оно значит «дитя». Отсюда и смысл самого имени эпического героя Абрскил — «дитя Абри». Иллюзорность, как мы сказали, подобного толкования может подтвердиться тем, что в мегрельском фольклоре это имя не встречается. Мегрелам имя Абрскил незнакомо. Это во-первых. Во-вторых, сам термин «скил» известен в истории в другом плане. Он наличествует в ономастике скифского мира, столь тесно связанного с Кавказом. Например, имя скифского царя Скила, упоминаемого Геродотом, а также имя другого скифского царя Скилура (II в. до н. э.). Мы сейчас не будем специально останавливаться на этой проблеме, а только лишь поставим вопрос: в самом ли деле в имени Абрскил отразился вклад мегрелоязычного мира? Надо надеяться, что дальнейшие исследования дадут возможность разобраться в этом деле более реально.

Не меньший интерес представляет первая часть имени Абрскила, собственно, слово «Абр». Этот термин связан с рядом общих проблем истории и этнографии многих племен и народностей Западного Кавказа. Наши соображения на этот счет сводятся к следующему.

Народно-эпические творения кавказцев представляют собой яркое явление не только в социальном плане, не только в том, что они могут в какой-то мере осветить даже наиболее отдаленные этапы истории и идеологии человеческого общества. Замечательно и то, что в них отразились и отношения между племенами и народностями, проживавшими на территории нашей страны, и прежде всего в пределах самого Кавказа. Эта сторона эпического творчества народов Кавказа мало разработана, хотя требует она пристального внимания и с точки зрения истории прошлого, и с точки зрения современности.

В области абхазоведения в этом направлении уже кое-что сделано. Мы имеем в виду прежде всего работы известного этнографа дореволюционной Абхазии Н. Джанашия, в 1960 г. собранные и изданные в Су-

¹ Ш. С а л а к а я, Абхазский народный героический эпос, Тбилиси, 1966, стр. 122; см. также Ш. Д. И н а л - и п а, Абхазы, Сухуми, 1965, стр. 592.

хуми под названием «Статьи по этнографии Абхазии». Этот сборник состоит из полевых материалов, пусть не всегда строго документированных, но добросовестность исследователя не оставляет сомнения в правдивости тех частей публикаций, на источники которых он особенно строго не указывает. Н. Джанашия в своей работе проводит ряд параллелей дохристианского культа и быта абхазов с такими картвельскими племенами, как мегрелы, сваны и гурийцы. Сам он не делает никаких теоретических заключений, да он и не ставил себе такой задачи. Еще до революции на основе материалов Н. Джанашия Н. Я. Марром была написана статья «О религиозных верованиях абхазов». Не представляя себе вообще идеально «чистых» яфетидов, он отмечал, что «абхазы, как теперь установлено, также относятся если не к чисто яфетическим, то, бесспорно, яфетидоидным народам. И в том, и в другом случае в лице абхазов перед нами этнически мешанный тип, в котором слились племена по крайней мере двух различных народов»². Эту верную идею Н. Я. Марр развивал следующим образом: «Абхазия как лингвистически, так и в религиозном отношении делится на три области, именно — северную, или бзыбскую, среднюю, или абжуйскую, и южную, или самурзаканскую. Общеабхазская мифология и общеабхазское религиозное учение — вопрос второй очереди. Выяснению этого вопроса должен предшествовать еще ряд монографических работ о влиянии соседних народов (или большим родстве с ними) на окраинные абхазские области; так, черкесов на бзыбских абхазов, а мингрельцев — равно сванов на самурзаканских и даже абжуйских абхазов. Не исключаются явления обратного значения, тоже требующее указания и освещения»³.

Эти верные мысли Марра, в основе которых лежит идея интенсивных взаимоотношений племен и народностей предков современного населения Западного Кавказа и Грузии, подсказаны самими материалами, накопленными в результате упорных полевых работ учеников и корреспондентов Марра. В разработку этих мыслей Марр вложил немало усилий и зачастую довольно успешно решал многие сложные вопросы. Решению аналогичной проблемы он посвятил ряд статей под общим названием «Яфетические элементы в языках Армении» и «Ossetica — Japhetica». Спорадически об этом он писал и в других работах. Что же касается абхазского языка и народного мировоззрения, то здесь Марр не смог привести в систему свои взгляды, но в различных трудах по абхазоведению и вообще по кавказоведению он дает несколько ценных замечаний.

Н. Я. Марр не мог не увидеть в абхазском языке ряд интереснейших историко-лингвистических элементов, представляющих собой органические компоненты истории и языка абхазов, но выработанных ими в результате тесного общения с родственными и даже инородными племенами, их окружавшими в течение многих веков. В связи с этим он писал, что «абхазский язык также представляет мешанный тип», в котором «отложился слой неподдающегося пока определению языка, по всей видимости, северного племени»⁴. В свою очередь, Марр приложил — и нередко весьма плодотворно — немало усилий для выявления обратного процесса: обнаружения абхазского этноязыкового элемента в языке и истории соседей абхазов, и прежде всего культурно-исторически с ними связанных картвелов. Но это особая тема.

Что же должно было представлять то «северное племя», о влиянии которого на абхазов предполагал Н. Марр? Он не мог ответить на этот

² Н. Я. Марр, О языке и истории абхазов, М.—Л., 1938, стр. 98.

³ Там же, стр. 99.

⁴ Там же, стр. 138.

вопрос с той же научной приемлемостью, с какой он поставил его: кавказоведческая теория Н. Марра уже подрывалась надуманностью его яфетидологического учения. Но вопрос был поставлен верно, и приоритет в этом деле, бесспорно, принадлежит Н. Я. Марру. Нужно было на него ответить,

Дата первого вполне ясного упоминания об абхазах точно известна. Это, во-первых, свидетельство Плиния (начало I в. н. э.) и, во-вторых, отчет римского чиновника Арриана императору Адриану, относящийся к 134 году. В этом канцелярском документе впервые с полной определенностью говорится об этнонимах *апсилы*, *абазги* и о некоторых других предках абхазов. Отчет является замечательным документом, свидетельствующим о значительной роли *апсиров* и *абазгов* даже в сфере такой могучей страны, какой было Римское государство в первой половине II в. н. э. Эта политическая активизация в масштабах культурнейшей мировой империи апсило-абазгских племен, населяющих территорию современной Абхазской АССР, совпадает с образованием аланского союза племен на Северном Кавказе. О роли последних Н. Я. Марр лаконично, но выразительно сказал следующее: «Аланы — это уже история не только Кавказа, но и юга России»⁵. Историко-археологические исследования в самом деле уже давно привели ученых к твердому убеждению о великой роли алан в истории буквально почти всех народов Кавказа от античной эпохи до позднего средневековья, от Дагестана и до Мегрелии и Армении.

Одним из значительных свидетельств роли алан в истории кавказских народов являются фольклорно-этнографические материалы, которые вот уже более ста лет приводят ученых различных направлений к мысли о том, что народы Кавказа испытали на себе мощное воздействие ираноязычного мира, с которым они прежде всего связывают именно сармато-алан. Влиянию подверглись и сказания о нартских богатырях, встречающиеся у различных народов Северного Кавказа и Закавказья, и прежде всего у абхазов, кабардинцев и осетин. В течение последних двух десятилетий в кавказоведении разгорелся спор относительно «первоначального ядра» нартских сказаний. Спор фактически был вызван обнаружением и обнародованием абхазских нартских сказаний. Они и в самом деле были неожиданны, и прежде всего по отраженной в них социальной архаике, не имеющей равной ни в одной другой редакции данного эпоса. Мы не будем сейчас останавливаться на причинах этого явления, но отметим бесспорный факт: ирано- и абхазо-адыгоязычные меото-сармато-аланы были тем миром, в котором народы Кавказа (в данном случае в основном абхазы, адыги, кабардинцы, осетины) черпали первоначальные сюжеты и мотивы нартских сказаний, подвергая их своей этно-языковой редакции.

Абхазо-аланские инфильтрации не подлежат сомнению. Коротко, но довольно убедительно об этом писал В. И. Абаев в своей статье «Поездка в Абхазию»⁶. В ней автор ставил своей целью отыскать «следы старых алано-абхазских связей в речи и фольклоре» абхазов. Абхазский язык Абаевым использован как один из факторов выявления кавказского субстрата в осетинском, им обнаружены осетинские заимствования в абхазском и наоборот — абхазские в осетинском.

Автор привел более шестидесяти вполне убедительных примеров для подкрепления своих позиций. Примеры эти отражают наличие абхазо-аланских контактов во всех областях материальной и духовной жизни

⁵ Н. Я. Марр, Указ. раб., стр. 140.

⁶ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949, стр. 309—322.

еще в период родового строя: название явлений природы, растительного и животного мира, в области хозяйства и материальной культуры, одежды, пищи, социальных понятий, религии, мифологии, фольклора и т. д.

Это небольшое исследование Абаева было настолько убедительным, что в свое время в Абхазском Институте языка, литературы и истории было принято решение продолжить работу в данном направлении.

Делая первый опыт исторического разбора абхазского эпического сказания о богороце Абрскиле, мы уделили внимание отражению в этом сказании абхазо-скифских связей. Связи прежде всего выразились в столкновении двух враждующих сил: коренных народов Кавказа, в данном случае абхазов, со скифами, хлынувшими, по словам Геродота, через Кавказ, тесня киммерийцев, что в сущности, было, видимо, последовательным движением двух больших волн ираноязычного населения с юга России. Из этих движений наиболее мощным, и видимо, чрезвычайно длительным, в свою очередь, происходившим несколькими волнами, являлось движение скифов, которое было продолжено впоследствии сарматами и аланами. Продвижение последних носило более систематический характер, и острота столкновений тех и других с абхазами ярко отмечена в самом сказании об Абрскиле. Взаимоотношения сармато-алан с северокавказскими народами, и в том числе с некоторой частью предков абхазов, имели большей частью характер взаимных этно-языковых инфильтраций. Они, конечно, не должны представляться сплошной идиллией, так как племена, стоящие на стадии военной демократии, которую в этот период проходили все отмеченные нами племена, находились в состоянии почти непрерывных взаимных набегов (Маркс говорил об этом как о форме общений племен), результатом которых явилось взаимовлияние в области материальной и духовной культуры. Именно к этому периоду, периоду сармато-аланского соседства, относится большая часть иранизмов, обнаруживаемая в языках и фольклоре народов Северного Кавказа. Что же касается абхазов, то некоторая часть их предков в определенное время была не только в соседстве с ираноязычными сарматами, но, как говорится, жила с ними под одной крышей в условиях сармато-меотского союза племен. Такое тесное совместное пребывание, которое можно характеризовать не только как «взаимоотношение», но и как вообще единение, не могло не отразиться и в самом деле отразилось в различных областях жизни предков абхазского народа.

Мы не будем подробно останавливаться на многочисленных фактах — свидетельствах абхазо-сарматского «единения» (данный термин возможен лишь постольку, поскольку возможно предположение действительного вхождения абхазо-адыгов в сармато-меотский союз племен). Некоторые из свидетельств алано-абхазских культурно-исторических связей, приводимые в упомянутой статье В. И. Абаева, должно быть восходят именно к эпохе сармато-адыго-абхазских связей. Скрупулезные исследования в этом направлении могут углубить наши представления об одной из вех формирования языка и истории абхазов (да и не только абхазов!). Но мы в данном случае остановились на одном из наиболее, как нам кажется, характерных фактов абхазо-скифо-сарматских связей. Это имя героя абхазского эпического сказания Абрскил. На термине *скил* мы выше уже останавливались. Более сложной является первая часть имени — *Абр*. На этот счет в кавказоведческой науке уже был высказан ряд мнений.

Н. Я. Марр считал сказание об Амирани — Абрскиле одним «из древнейших языческих сказаний о божестве солнца, превратившемся в героя». Мы не будем здесь останавливаться на таком ляпсусе, как пре-

вращение бога в героя эпического сказания, и продолжим далее цитату из работы Марра «Кавказоведение и абхазский язык»: «Само имя Амирани, собственно *A-mra* или *A-mər*, представляет абхазское название солнца *a-mra* или *a-mər* как последнее появляется в сложных абхазских словах. Из абхазских языковых материалов наметилась возможность осветить ряд подробностей в мифе, впоследствии сказаний о солнце-герое»⁷.

Таким образом, Н. Я. Марр видел в Абрскиле близкородственный Амирану образ и в своих изысканиях имена эти попросту объединял. Но этого мало. Сказание об Абрскиле он рассматривал если не как первоначальное ядро всего эпоса Амираниани, то, во всяком случае, как наиболее близкий к первоисточнику вариант. Вот что он писал в связи с этим: «Какому бы языческому племени ни принадлежала честь создания этого сказания, та редакция, в которой оно распространено в Грузии и Армении, несомненно, прошла через абхазскую среду»⁸. Марр со свойственным ему стремлением к усложнению вполне ясных, а порой даже простых вещей, пришел к выводу, что слово Абрскил первоначально означало «солнышко», буквально «дитя неба». Мы не будем здесь пересказывать всю сложную его этимологию. Это можно прочесть на 374 странице его сборника «О языке и истории абхазов».

М. Чиковани пишет, что в сказании об Абрскиле обнаруживаются следы его продвижения от западнотурецких племен в Абхазию, в частности в абжуйскую ее часть. Один из таких следов он видит в имени самого героя, в уже отмеченной нами части *скил*. Первую же часть *Абр* он возводит к имени *Амбри*, встречающемуся в картвельских версиях сказания⁹.

Ш. Салакая, возводя генетически сказание об Абрскиле к нартскому эпосу, пишет, что «если это подтвердится, то первую часть термина «Абрскил»-*абр* (*амр*), можно было бы возводить к названию «Абра — камня», ярко фигурирующему в нартском эпосе адыгов»¹⁰.

Каково наше отношение как к приведенным мнениям различных ученых, так и к существу дела?

Мы, вслед за М. Чиковани, связывали «Абрскил» с именем *Амбри*, а последнее возводили идейно-этимологически к названию месхо-хетского бога луны Армаза¹¹ и, таким образом, связывали образ Абрскила с культом луны, имевшем, как это доказал И. Джавахишвили, первостепенное значение в кругу картвельских племен¹². От подобного толкования имени Абрскил мы теперь совсем отказываемся.

Прежде всего остановимся на высказываниях Н. Я. Марра. Во всех приведенных тезисах из его работ, несомненно, есть рациональное зерно. Это прежде всего связь имени Амирани с абхазским словом *амыра* (*амра*). Но его высказывание о полной принадлежности этого элемента исключительно «яфетическому» (в данном случае иберийско-кавказскому) миру неоправданно.

Мнение М. Чиковани нам кажется несколько рискованным. В самом деле, не имеем ли мы в имени *Амбри* отражение книжного влияния, свя-

⁷ Н. Я. Марр, О языке и истории абхазов, М.—Л., 1938, стр. 144.

⁸ Там же.

⁹ М. Чиковани, Амираниани, Тбилиси, 1960, стр. 32—33.

¹⁰ Ш. Салакая, О героическом эпосе абхазов, «Труды Абхазского Научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», XXXIII—XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 303.

¹¹ Г. Цулая, Мифологические тайны пещеры Абрскила, Там же, стр. 329—331.

¹² Ив. Джавахишвили, История грузинского народа, т. I, Тбилиси, 1964, (на груз. яз.).

занного с средневековым романом Мосе Хонели «Амиран-Дареджаниани»?

Наиболее верным представляется мнение Ш. Салакая. Но став на верный путь, он не прошел его до конца. Источники термина *абр* уводят нас в среду, стоящую вне Кавказа, но тесно связанную с его народами, так как он не находит объяснения ни на одном иберийско-кавказском языке, наоборот, наличие его в кавказских языках может быть объяснено их общением с индоевропейскими языками и, прежде всего, с североиранской их ветвью, известной в науке под названием «скифского» языка. Именно в среде носителей этого языка мы находим вполне удовлетворительное объяснение термина *абр*: «небо»¹³. Совпадение понятий «неба» и «солнца» в мировоззрении и языке народов — явление нередкое. Это, собственно, подтверждается и абхазским языком. К тому же Ш. Салакая уже отождествил *абра* с абхазским *амра* — «солнце».

Таким образом, имя героя абхазского эпического сказания — Абрскил, на наш взгляд, может быть переведено только со скифского языка; во всяком случае, корни этого имени необходимо искать в скифском мире.

В заключение следует отметить, что до сих пор в абхазоведческой литературе не дано объяснения такому интересному факту, как наличие в духовном творчестве абхазов двух, совершенно не имеющих сходства, глав; героического эпоса о нартах и героического сказания об Абрскиле. Надежды, какие возлагают Ш. Салакая на будущие исследования в области абхазского эпосоведения — «возможно, выявится и генетическая связь между нартским эпосом и героическим эпосом типа Абрскила»¹⁴ — нам кажутся рискованными.

Два этих создания народного творчества представляют собой различные явления в истории абхазского фольклора, и объединять их в каком-либо смысле — значит совмещать несовместимое, и прежде всего потому, что Абрскил и нарты создавались в одних этнических рамках, но в разных историко-географических условиях. Это видно хотя бы из самого ареала бытования сказаний. Реальные факты абхазской истории и духовной культуры абхазов вполне оправдали вышеприведенную нами мысль Н. Я. Марра о большом значении тесных контактов абхазов с соседними народами, «или, — как он писал, — большом сродстве с ними», а именно, на севере — с адыгами, и в одно время, параллельно с ними, — с сармато-аланами, и на юге — с картвелами, мегрело-сванами. Это обстоятельство и явилось причиной того, что эпическое творчество абхазов делится на две части, связанные с соответствующими частями самой Абхазии: северную («бзыбскую») — нартский эпос и южную («абжуйскую») — «амирановский» эпос об Абрскиле.

¹³ В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 152.

¹⁴ Ш. Салакая, Указ. раб., стр. 299.